

Александр Фитц

Утро в раю

Библиотека А. Гирзекорна

ВЕК ВЕЧНОЙ ССЫЛКИ

«К выселенцам относиться жёстко и беспощадно»

По традиции, 28 августа тысячи российских немцев отправляются в церкви, на митинги, а затем садятся за траурные семейные столы, дабы отметить свой очередной «чёрный» юбилей. Именно в этот день в 1941 году был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно

которому началась массовая депортация нашей этнической группы в Сибирь, северные районы Казахстана, на Дальний Север и даже в Монголию. При этом всё имущество реквизировалось, а паспорта изымались.

Как и всякая дата – горестная или радостная, нуждается она в том, чтобы с расстояния пройденных лет осмыслить произошедшее, проникнуть в глубинную его суть. Одни, имея в виду депортацию российских немцев, считают: к чему терзать душу воспоминаниями, дескать, прошлое – прошло, и дай Бог, чтобы к нему больше не было возврата. Другие вообще предпочитают не говорить об этом этапе и без того многотрудной, нескладной истории Советского Союза и России. Третьи склонны обвинять во всём произошедшем исключительно Сталина и его культ личности, не забывая при этом подчеркнуть, что, мол, время было такое, обстоятельства вынудили. Однако из сознания народа его боль, печаль и генетическую память не вытравишь. Тем более что все последующие годы после частичной отмены лживых, как было многократно доказано, обвинений, российские немцы, по сути, так и остались изгоями в стране, куда официально были приглашены, где жили и где ещё живут.

За 1941 – 1948 гг. число погибших в лагерях, расстрелянных по приговорам судебных и внесудебных органов, согласно оценке, сделанной на основе изучения документов и демографической статистики историком доктором В. Кригером, составляет 150-160 тысяч человек¹. Историки Б. Пинкус и И. Флейшгауэр считают, что из 1 543 000 проживавших в начале 1941 г. в СССР немцев в 1946 г. в живых осталось примерно от 1 250 000 до 1 300 000 человек², то есть было уничтожено или умерло как минимум 243 тысячи. Ещё большую цифру называет историк, публицист и писатель Герхард Вольтер, сам прошедший ад советских лагерей. Он убеждён, что «число немцев в СССР, погибших в результате геноцида, было значительно больше, чем 400 тысяч человек»³. А писатель, публицист, один из самых вдумчивых и глубоких специалистов по этой теме Гуго Вормсбехер считает, что «треть российских немцев полегла в трудармии, на рабо-

1 Volk auf dem Weg Nr. 8-9, S. 13-14. 2007

2 Pinkus, B. /I. Fleischhauer. Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Baden-Baden, 1987. S. 318.

3 Вольтер Г. Зона полного покоя. Москва: Инсан, 1991 г. Стр. 107.

те в тылу – работе для Победы. Это больше, чем потеряла самая пострадавшая от войны колыбель партизанской войны – Белоруссия, через которую дважды прокатился фронт. Она потеряла четверть своего народа – в войне с врагом. Мы – треть в труде на благо своей Родины»⁴. И наконец, мнение историка и известного писателя д-ра Андрея Буровского: «Были ли преступления нацистов? В том числе и в лагерях уничтожения? Были. Но их многократно преувеличили и раздули. Что же до преступлений союзников... Ковровые бомбардировки жилых кварталов городов Германии унесли не менее 3 млн. человек, из них 1 млн. детей. В СССР сослали и на 50-60 процентов истребили 1,5 млн. живших в СССР немцев. Эти люди оказались каким-то образом „виновны“ в поведении Третьего рейха»⁵.

Известный российский историк, доктор исторических наук Виктор Бердинских, первым получивший доступ к уникальным материалам из архивов НКВД-МВД-МГБ-КГБ, касающимся депортации (*массовой высылки*) народов в 1930-е – 1940-е годы, пишет: «Судьба трудармейцев – это самая трагичная страница истории немцев России в минувшем веке. Гибель значительной их части – от изнурительного труда, голода, холода, жестокого режима в сталинских спецрезервациях – была предрешена. Ведь сама суть многих правительственных постановлений и приказов НКВД о направлении того или иного количества „трудмобилизованных“ на какой-либо „объект“ сводилась к тому, что они („исполнители программы“) просто должны были до конца отдать там свою мускульную силу, а затем, „полностью амортизовавшись“, – умереть. Роль человека низводилась здесь до уровня примитивного рабочего орудия одноразового пользования – не более»⁶.

А вот как Виктор Бердинских, опираясь на документы и официальные свидетельства, описывает жизнь депортированных: «Клеймо „врага“ **обязывало** (*выделено мною. – А. Ф.*) коренное население и территориальные власти, руководителей хозяйственных организаций относиться

4 Ворсбехер Г. Убить народ. Новосибирск: РНД, 2002 г. Стр. 78.

5 Буровский А. Великая Гражданская война 1939-1945. Москва: Эксмо, 2009 г. Стр. 427.

6 Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советского Союза. Москва: Новое литературное обозрение, 1995 г. Стр. 325.

к поселенцам-„чужакам“ жёстко и беспощадно. Этих людей посылали „к чёрту на рога“ не жить и работать, а страдать и умирать – об этом откровенно говорили честные чиновники, встречая всё новые и новые спецпереселенческие этапы. Для них преднамеренно создавались критические, невыносимые условия существования»⁷.

Отмечу, что репрессии в отношении российских немцев начались задолго до 1941 года. Как пишет доктор Роберт Корн, «Иоганнес Шлейнинг (*пастор, писатель, историк, известный защитник прав российских немцев.* – А. Ф.) ещё в довоенный период сделал достоянием общественности неопровержимые данные, иллюстрирующие целенаправленное уничтожение российских немцев в качестве этнической группы. В своей работе „Die deutschen Siedlungsgebiete in Russland“ он напоминает, что по данным российской переписи населения 1897 г. в России (*не считая Финляндии и Прибалтики*) проживало 1 767 707 немцев. На начало же 1941 г. Б. Пинкус и И. Флейшгауэр указывают 1 543 000 немца. Данные Г. Тейха, учитывающего результаты официальной переписи населения, а также количество находящихся в заключении, примерно соответствует этому и составляет 1 543 000. Таким образом, немецкое население в СССР по сравнению с данными переписи населения 1897 г. по положению на 1941 г. уменьшилось более чем на 200 000 человек. Но фактические „потери“ этой этнической группы с учётом традиционно высокой рождаемости в немецких семьях и бурного роста численности немцев в России в течение периода, предшествующего Первой мировой войне, были, конечно, намного выше»⁸.

В период тотального геноцида (*а как ещё характеризовать беспредел в отношении российских немцев?*) был ликвидирован цвет национальной группы: учёные, писатели, юристы, конструкторы, преподаватели, актёры, художники, музыканты, врачи... Как справедливо отмечает Виктор Бердинских, «выселение, „трудовая армия“, лагеря и спецпоселения не просто разбили многие немецкие семьи. По сути, они подорвали жизнеспособность народа. С утратой автономии в Поволжье, ликвидацией национальных районов

7 Там же. Стр. 19-20.

8 Корн Р. В России – немцы, в Германии – русские. Исторические очерки о российских немцах. Аугсбург, 2008 г. Стр. 230-231.

и сельсоветов в других регионах страны практически погибли структурообразующие и культуруноносные институты этноса российских немцев: национальные школы, периодика. Книгоиздание, театр, сельские и городские традиции, народные обычаи, обряды. Этнос, расплывённый по лесам Урала и Сибири, по степям Казахстана и пустыням Средней Азии, лишился очень важных жизненных опор»⁹.

В последующие годы, вплоть до крушения Советского Союза, многие города и целые регионы (например, Москва, Ленинград, Калининградская область, Таллин, Вильнюс, Рига, Клайпеда и др.) были для российских немцев закрыты, то есть, их там не прописывали. Скажите, а много ли вы знаете российских немцев адвокатов, режиссёров, журналистов, архитекторов, медиков, государственных деятелей, получивших образование в СССР в 50-е, 60-е, 70-е, да и в 80-е годы? Не напрягайтесь, если и вспомните одного-двух – уже прекрасно. В так называемые престижные вузы и факультеты российских немцев не принимали, что, естественно, не смогло не сказаться на общем интеллектуальном уровне народа, превращённого за годы советской власти из самого образованного в Российской империи в самый, как свидетельствовали публикуемые в открытой печати официальные статданные, малообразованный в СССР.

Общеизвестно, что в XX столетии отношения между Германией и Россией то улучшались, то ухудшались, в большинстве оставаясь напряжёнными. Но, пожалуй, лучше всякого историка или политолога об этом могут рассказать те российские немцы, которым чудом удалось дожить до преклонных лет. Ведь пресловутый указ, датированный августом 1941 года, был далеко не первым и, к сожалению, не последним, который обрекал этот народ на изгнание, лишения и муки.

Судьба распорядилась так, что в XX столетии российским немцам была уготована роль заложников, некоей разменной карты, достоинство которой, по молчаливому, но, вне всякого сомнения, обоюдному согласию официальных Москвы и Берлина, оставалось весьма низким. И поэтому каждый раз, когда два колосса намеревались вступить в очередной свой «последний и решительный бой», между ними, как

9 Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советского Союза. Москва: Новое литературное обозрение, 1995 г. Стр. 453-454.

между молотом и наковальней, оказывались люди, которых в России считали и продолжают считать «немцами», а в Германии – «русскими».

Впрочем, скорбный путь, пройденный моим народом, хорошо виден из одного лишь перечисления указов, распоряжений и постановлений (*причём далеко не всех*) царского, советского и российского правительств, различных министерств, управ и ведомств, касающихся непосредственно российских немцев.

Вспоминаю, как в 1988 году главный редактор газеты «Нойес лебен» Владимир Чернышёв пригласил меня в свой кабинет, открыл сейф и, предупредив секретаршу никого не впускать, достал из него заметно потёртый сборник Ведомостей Верховного Совета СССР № 38 за 1941 год. Со словами: «Вот, почитай» протянул мне. Так впервые собственными глазами я увидел полный текст Указа «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

Этот документ не имел официального грифа «Секретно», но даже ссылаться на него советской цензурой было запрещено. И потом, как можно было его цитировать, опровергать или рассуждать о нём, если самого указа ты не читал. Да ведь и в августе 1941-го, исключая выходившие в Немецкой Республике газеты *Nachrichten* и «Трудовую правду», он нигде не публиковался.

В перестройку, ближе к кончине СССР, в прессе, прежде всего ориентированной на российских немцев, а также изданиях либерального направления стали появляться хранившееся раньше в спецхранах различные официальные документы, касающиеся репрессий, депортации, а также приглашения немцев в Российскую империю, прав и обязанностей колонистов, их образования, религии, воинской службы и т. п. По мере того как я их прочитывал, складывая в специальную папку, во мне всё более крепла мысль, что, пожалуй, ни один из народов, живших в Российской империи, затем в СССР, а теперь живущий в Российской Федерации, не удостоился даже четверти того внимания (*пожалуйста, не путайте с заботой*), которым власть наделила немцев. Что с формулировкой «Народ более всего упоминаемый в государственных карательных и репрессивных указах и постановлениях» их вполне можно занести в Книгу

рекордов Гиннеса. Следующий вывод, к которому пришёл, – если выписать одни лишь названия этих указов, то получится лаконичный и мрачный план «блокбастера» о переселении и жизни немцев в Российской империи, затем в СССР и, наконец, в Российской Федерации. При этом ни в коем случае нельзя забывать и умалчивать факта, что российские немцы как народ сформировались именно в Российской империи, за сто лет до возникновения Германии как государства. Не стоит также забывать, что ни один из немцев, находившихся в России на государственной и военной службе, никогда не обвинялся в отсутствии российского патриотизма. Все они, включая родившихся за пределами России, в меру сил и способностей служили стране, всемерно содействуя её процветанию.

Дабы вы, уважаемый читатель, яснее представили, о ком я веду речь, назову лишь нескольких из минимум двух сотен видных военачальников и государственных мужей: основатель Омска, генерал И. Д. Бухгольц; сподвижник Суворова, генерал-аншеф О. Х. фон Дерфельден; главнокомандующий во время русско-шведской войны и участник битвы при Аустерлице генерал Ф. Ф. фон Буксгевден; начальник Главного штаба и главнокомандующий русскими войсками в Турции, генерал-фельдмаршал И. И. фон Дибич-Забалканский; один из организаторов героической обороны Севастополя, дядя поэта А. А. Блока, Гродненский и Самарский губернатор И. Л. Блок; первый начальник Сахалина и первый военный губернатор Амурской области, генерал Н. В. Буссе; Туркестанский генерал-губернатор, инженер-генерал К. П. фон Кауфман; Приамурский генерал-губернатор, наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск, генерал А. Н. фон Корф; главнокомандующий Закавказским краем, генерал А. И. Нейдгардт; главнокомандующий русской армией на Балканах, инженер-генерал Э. И. фон Тотлебен; генерал-фельдмаршалы И. Д. Л. Иорг, Ф. В. фон дер Остен-Сакен, адмирал Я. А. Гильдебрант...

Правда, после 1917 года ситуация резко изменилась, и военные, государственные деятели, многие учёные с немецкими корнями были отстранены от активной деятельности и в большинстве уничтожены. Ну а среди членов, а тем более лидеров большевистской партии было очень

мало немцев и поэтому последние, за редким исключением (*В. В. Шмидт, Э. И. Квиринг*), не занимали в СССР заметных государственных постов. Чуть больше немцев было среди советских военачальников (*В. М. Альтфатер, Е. А. Беренс, Л. М. Галлер, В. А. Ольдерогге*). Но даже те из них, кто дожил до середины 30-х годов, были репрессированы, а с началом чисток по национальному признаку присутствие немцев на руководящих государственных и военных постах было полностью исключено.

Размышляя обо всём этом, я задумался – стоит ли ждать, что однажды кто-то возьмёт и соберёт воедино все указы, постановления, распоряжения, в той или иной степени касающиеся российских немцев? А сделать это нужно, тем более что даже в фундаментальных работах вроде «Истории российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.)»¹⁰, различных энциклопедиях, справочниках при всём моём глубоком уважении к их авторам и составителям, случаются «прорехи» и «тёмные пятна» нашей недавней истории? Решив, что не стоит, я включил компьютер и, создав папку, внёс в неё название первого указа, напрямую касающегося моих предков. Но прежде чем вы с ним познакомитесь, уважаемый читатель, хочу предупредить, что этот мой труд не является историческим исследованием. Скорее я бы отнёс его к жанру публицистики, размышлений, в которых вопросов, пожалуй, даже больше, нежели ответов. Да и начинаю я своё повествование не с правительственных декретов XVIII-XIX веков, как того требует логика исторического исследования, а с XX столетия.

«Белые пришли – грабят, красные пришли – грабят»

В сентябре 1914 года, сразу же после начала Первой мировой войны началась массовая депортация немцев из Царства Польского, входившего в состав Российской империи. В ноябре того же года из Прибалтийских губерний, а в декабре из Привислянского края. Причём вся вина высылаемых в Сибирь заключалась в том, что родились они немцами.

2 февраля 1915 года Советом министров Российской им-

10 Сост. Ауман В. А., Чеботарева В. Г. Москва: МИГУПТ, 1993 г.

перии был принят Закон, утверждённый императором Николаем II, «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских и германских выходцев», который запрещал волостным, сельским и мирским обществам, состоящим из российских немцев, приобретать какую-либо недвижимость в собственность, залог, а также для владения и пользования. Аналогичный запрет распространялся и на отдельно взятых российских немцев при приобретении ими недвижимости в сельской местности.

Ещё дальше продвинулся в этом отношении Закон, также принятый 2 февраля 1915 года, «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских и германских выходцев в приграничных местностях», предложивший российским немцам «отчуждить по добровольным соглашениям» всю свою недвижимость, находящуюся в сельской местности, в приграничной полосе шириной 10 – 150 вёрст (1 верста = 1,06 км) от Финляндии до Каспия. Имущество же тех, кто не желал расстаться с ним «добровольно», было решено пустить на публичные торги на условиях, аналогичных тем, с помощью которых отчуждалась недвижимость у подданных воевавших против России государств.

19 июня 1915 года главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н. Иванов приказал командующему Киевским военным округом взять в немецких колониях заложников. Причём главным образом брать их из учителей и пасторов и заключить до конца войны в тюрьмы. Была установлена пропорция заложников: 1 на 1000 человек немецкого населения. Одновременно у колонистов реквизировались все продукты, за исключением продовольствия, до нового урожая, а в их домах селили беженцев. За отказ немцев сдать хлеб, фураж или принять беженцев заложники подлежали немедленной смертной казни. Кстати, это – редчайший в истории пример, когда заложники брались из граждан своего же государства.

В июне – декабре 1915 года осуществляется тотальное насильственное переселение в Сибирь всех без исключения немцев, проживавших западнее реки Днепр.

13 декабря того же года российским правительством подготовлен указ, согласно которому всё немецкое население

Поволжья весной 1917 года должно было быть депортировано в Сибирь. Реализации этого указа помешала Февральская революция. В этот же день правительством принимается Закон «О некоторых изменениях и дополнениях узаконения от 2 февраля 1915 года о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских и германских выходцев». Как видно уже из его названия, российские немцы вновь были приравнены к гражданам стран-противников.

Но примечателен данный документ вовсе не этим. За нарушение запрета на владение и распоряжение недвижимостью он предписывал переселять российских немцев за пределы губернии их проживания, то есть, в России впервые была создана законодательная основа для депортации людей по национальному признаку. Законы 1915 года не содержали предписаний о непрременной и поголовной депортации немецкого населения приграничной полосы. Тем не менее эта акция была ими predetermined: фактически лишив значительную группу российских немцев всей их собственности, а также средств к существованию, власти организовали их выселение в Сибирь и Казахстан. При этом специальным распоряжением предписывалось брать заложников из числа российских немцев и даже казнить их, в случае «любых нарушений порядка процедуры депортации».

Одновременно официально были запрещены все немецкие общественные организации (даже детские), закрыты немецкоязычные издания, ликвидирована немецкая топонимика в районах компактного проживания народа. Кроме того, на всей территории империи было строжайше запрещено любое публичное общение на немецком языке.

Шовинистическая истерия, направляемая сверху, привела к тому, что в мае 1915 года по Москве, Киеву, Саратову, Екатеринославу, Астрахани, Твери, Одессе, Новгороду и ряду других городов прокатилась волна «немецких» погромов, сопровождающихся грабежами и убийствами. Погромы 1915 года в Москве начались с пустячных, казалось бы, инцидентов. Так, рабочие ситценабивной фабрики Губнера потребовали увольнения всех немцев и остановили работу. С национальными флагами и портретами Николая II в руках они двинулись толпой к Прохоровской мануфактуре, на ко-

торой тоже были волнения. Когда обо всём этом доложили главноначальствующему Москвы (*первое лицо города*) генерал-адъютанту князю Феликсу Юсупову, тот никаких мер не принял. Более того, на заседании Совета министров 14 июня 1915 года он призвал к выселению из Москвы всех подданных враждебных России государств и учреждении для них концентрационного лагеря¹¹. Градоначальник же Москвы А. Адрианов вообще распорядился не трогать манифестантов, ибо их шествие, по его мнению, «имеет мирный характер».

Поскольку немецкие и еврейские фамилии зачастую очень похожи, погромщики, останавливаясь около некоторых домов, прежде чем приступить к грабежу, обсуждали – не еврей ли хозяин. И если кому-то удавалось убедить толпу в том, что еврей, – проходили дальше. Ксения Зорина, написавшая рецензию на посвящённую описываемым событиям книгу С. А. Рябиченко «Погромы 1915 г., три дня из жизни неизвестной Москвы», по этому поводу с грустью заметила, что «книга этого автора могла бы быть названа „Три дня, когда в России было выгодно быть евреем“».

...Ситуация в Москве становилась всё более угрожающей. Понимая это, Адрианов даёт команду удалить с предприятий всех немцев и подготовить их к отправке в Сибирь. Он также приказывает усилить полицейские участки на фабричных окраинах. Но погромщиков уже ничто не может остановить. Они рушат и грабят магазины, дома, винные погреба, учреждения. Людей, носящих немецкие фамилии, топят в реке и водоводных каналах, забивают насмерть палками и камнями, обливают керосином и поджигают. Только прибывшие войска, применившие оружие, остановили в Москве это безумие. Ну а в ряде других городов России погромы продолжились.

По данным Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), во время погромов пострадало 705 помещений, из которых 129 принадлежали германским и австрийским подданным, а заявленные убытки превысили 50 млн. рублей. При этом денежные документы, деньги, векселя и прочее при определении убытков в счёт не принимались. По иро-

11 Корн Р. В России – немцы, в Германии – русские. Исторические очерки о российских немцах. Аугсбург, 2008 г. Стр. 89.

нии судьбы, многие пострадавшие фирмы были подчинены военным властям или городским властям Москвы¹². Жертвами погромов, как пишет доктор исторических наук Сергей Рябиченко, стали 113 германских и австрийских подданных, 489 подданных с «иностранными фамилиями» и 90 человек с «чисто русскими фамилиями»¹³.

Тогда же, в 1915 году, семью моего прадеда по материнской линии Фридриха Беккера выслали с Волыни под Омск. Было их девять человек. Спустя два года обратно возвратились четверо. Пятеро умерли.

Чем были вызваны те погромы и депортация? Войной с Германией? Шовинистическим угаром? В какой-то степени – да, хотя, напомним, подавляющее число живших тогда в Российской империи немцев были российскими подданными.

И всё же главная причина, на мой взгляд, заключалась в том, что очень многим в начале XX века хотелось убрать людей с немецкими фамилиями из промышленности, экономики, торговли, культуры, где их позиции были чрезвычайно весомы, с тем чтобы не просто разграбить их имущество, но и занять их позиции в бизнесе, общественной жизни. Кроме того, эти погромы укрепили позицию политических сил, выступавших за продолжение войны, и противников сепаратного мира с Германией.

Что же спасло тогда немцев от тотальной депортации в Сибирь? Почему их высылка, которую, к слову, благословил «царь-мученик», была приостановлена? Немцев-колонистов спасла угроза голода, нависшая над Россией, ибо именно в колониях Поволжья, Украины, Кавказа и Крыма собирались, об этом свидетельствует прежде всего статистика, самые богатые урожаи. Ну а остзейских баронов трогать тогда никто не собирался. Их планомерное истребление и вообще уничтожение и грабёж всех немцев живших в Латвии, Литве и Эстонии началось в 1919 году и стихло к концу 1920-го¹⁴.

1 июля 1916 года Николай II утверждает Положение «Об Особом Комитете по борьбе с немецким засильем». В этом

12 Журнал «Родина», №8-9 1993 г. Стр. 127.

13 Рябиченко С. Погромы 1915 года. Три дня из жизни неизвестной Москвы. Москва, 2002 г. Стр. 90.

14 Буровский А. Самая страшная русская трагедия. Москва: Яуза-пресс, 2010 г. Стр. 425 – 428.

документе, где российские немцы прямо назывались «неприятельскими выходцами», ставилась конкретная задача «освобождения страны от немецкого влияния во всех областях народной жизни». Всем государственным органам и должностным лицам предписывалось «безусловно выполнять» решения комитета, в который вошли высшие чины основных министерств империи, не исключая даже ведомства Православного исповедания.

Вместе с созданной в Государственной Думе аналогичной комиссией «по борьбе с немецким засильем» этот орган принялся ревностно инициировать всё новые и новые правовые акты, направленные на удушение экономической и культурной жизни российских немцев. Среди них – Положение Совета министров «О воспреещении преподавания на немецком языке», утверждённое Николаем II 18 августа 1916 года, «Инструкция о применении узаконений от 2 февраля и 13 декабря 1915 года», утверждённая 6 сентября 1916 года, которая строжайше запрещала приобретение прав на недвижимость волостными, сельскими и мирскими общинами, состоящими из российских немцев, не только в сельской местности, но и на всей территории страны. Российским немцам, а также обществам и товариществам с их участием более не разрешалось заниматься разведкой недр на казённых землях. Кроме того, было установлено, что высылка российских немцев за нарушение запрета на аренду недвижимости «не приурочена ни к какому исключительному или военному положению и имеет характер постоянного и нормального полномочия местной административной власти». Запрет российским немцам «заведовать» недвижимостью был распространён даже... на конторщиков и дворников. И, наконец, 6 февраля 1917 года Николай II утверждает Закон «О распространении на некоторые местности Империи ограничительных в отношении землевладения и землепользования неприятельских выходцев узаконений».

Исключение было сделано «впредь до особых распоряжений» лишь для земель, отведённых казной знаменитой Сарептской колонии под Царицыным (*ныне в черте г. Волгограда*). Но для «особых» и прочих распоряжений времени больше не было: Николаю II оставалось сидеть на престоле менее четырёх недель. Февральская революция не позво-

лила последнему самодержцу организовать генеральную репетицию большевистской экспроприации, а затем и депортации российских немцев.

Пришедшее к власти Временное правительство уже 11 марта 1917 года приняло Постановление «О приостановлении исполнения узаконения о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев», а также в части, касающейся «неприятельских выходцев» 1916-1917 годов. Но поскольку Учредительное собрание, фактически не успевшее приступить к работе, было разогнано большевиками, первая правовая реабилитация российских немцев так и не состоялась.

Большевики не имели сколько-нибудь чёткого представления о будущем национально-государственном устройстве страны. А расхожий лозунг о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения» трактовался ими с явным акцентом на его последнюю часть. Говоря о проблемах остающихся в составе России народов, большевистские лидеры отделялись общими фразами, категорически отвергая идеи федерального устройства государства и национально-территориальной автономии.

Эта позиция по существу была представлена ещё в «Декларации прав народов России», подписанной Лениным и Сталиным 2 (15) ноября 1917 года. Но уже в «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа», принятой 3-м Всероссийским съездом Советов 12 (25) января 1918 года говорилось о России, как «федерации Советских национальных республик», а «рабочим и крестьянам каждой нации» предоставлялось право самостоятельно решать, «желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных советских учреждениях». Тем самым у российских немцев, как и у остальных народов страны, появились некоторые шансы найти своё место в новой политической реальности.

19 октября 1918 года Владимир Ленин подписал Декрет СНК РСФСР «О создании области немцев Поволжья», который постановил образовать на базе местностей, заселённых немцами Поволжья и выделившихся в уездные Совдепы, «областные объединения с характером трудовой коммуны». Вопреки настойчиво распространяемому мифу, автономия

на Волге возникла отнюдь не в результате Брестского мира и под нажимом Германии, а как плацдарм для внедрения большевизма в европейские немецкоязычные страны (*после Второй мировой эту функцию переняла на себя ГДР*). Кроме того, не будем забывать, что в тот период руководство страны было жизненно заинтересовано в поставках хлеба именно из немецких колоний Поволжья – одного из немногих крупных зерновых районов, контролируемых тогда большевиками.

И всё же немецкое население в своём подавляющем большинстве резко отрицательно отнеслось и к революции и прочим «великим потрясениям». Как результат – в ходе гражданской войны и в результате последовавшего за ней голода немецкое население России уменьшилось почти на 400 тысяч человек.

13 декабря 1923 года Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложение о реорганизации автономной области в АССР немцев Поволжья, которая была официально провозглашена 6 января 1924 года. Дело в том, что тогдашнее руководство страны ещё не рассталось с безумной идеей «мировой революции», и поэтому его было нетрудно убедить, что создание Немецкой республики на Волге явится мощной поддержкой германскому пролетариату, на который большевистские вожди, а среди них было немало бывших меньшевиков-троцкистов, возлагали миссию разжигания революционного пожара в одной из цитаделей капитализма.

В 1926 году из немецких сел России, Украины, Кавказа, Крыма в отдалённые районы страны выселяют «бывших помещиков» – зажиточных крестьян, имевших земельные участки от 60 десятин и выше (*в зависимости от района проживания*). Только из АССР НП было выселено свыше 150 семей.

Несколькими годами раньше началось создание немецких национальных районов и сельсоветов в РСФСР, Украине, Белоруссии, Грузии, Азербайджане. Однако в 1938-39 годах все они были упразднены, «как искусственно созданные». Параллельно (*за исключением АССР НП*) закрылись все немецкие школы, газеты, журналы, издательства.

Если же говорить о начале нового витка массовых репрессий в отношении российских немцев, то он приходится

на начало 30-х годов. А вот один из первых актов на этот счёт – Постановление СНК СССР от 23 января 1936 года «О переселении из УССР в Казахскую АССР» и от 28 апреля 1936 года «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств». Организация и контроль за выселением были возложены на НКВД СССР, а хозяйственное устройство доверено не кому иному, как руководству ГУЛАГа.

Вообще же, во время кампаний, затрагивающих всё население СССР, чётко прослеживалась «избирательность» в отношении немцев. Так, из 700 тысяч раскулаченных в СССР 15 процентов являлись немцами, тогда как доля немецкого населения страны составляла всего 1 процент.

С 1933-го по 1936 год против немцев был проведён целый комплекс репрессивных акций, мало или никак не коснувшихся других народов. Так, 5 ноября 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) разослало всем национальным ЦК, крайкомам и обкомам ВКП(б) следующую директиву: «В ЦК ВКП(б) поступили сведения о том, что в районах, населённых немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу. Между тем местные парторганизации и органы НКВД крайне слабо реагируют на эти факты, по сути делают попустительство, совершенно неправильно считая, будто наша международная политика требует этих послаблений немцам или другим национальностям, проживающим в СССР и нарушающим элементарную лояльность к советской власти. ЦК ВКП(б) считает также совершенно недопустимым тот факт, что в немецких районах не только не изучается язык той союзной республики, в пределах которой находятся немецкие районы, но игнорируются указания ЦК ВКП(б), и требует, чтобы этот недостаток был устранён. ЦК ВКП(б) считает подобное поведение парторганизаций и органов НКВД совершенно неправильным и предлагает принять по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу... Местные органы власти должны потребовать от немецкого населения полного прекращения связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями: получение денег, посылок...»

Вслед за этим был составлен перечень оборонных предприятий, на которые запрещалось принимать на работу немцев, а также начались их массовые депортации из приграничных районов вглубь страны. Одновременно только в Украине в 1935 году было арестовано 24 935 немцев, в 1936 году – 15 717. Одна из причин этих репрессий – получение немцами посылок и денежных переводов от родственников из Германии и других западных стран в период голода в Украине и других регионах СССР, а также приход национал-социалистов к власти в Германии.

Принятое в 1934 году решение об открытии немецкого национального театра в Москве было аннулировано. В следующем году НКВД раскрывает «фашистский заговор» в Московском педагогическом институте иностранных языков и арестовывает пять преподавателей во главе с заведующим кафедрой немецкого языка. Тогда же всё более массовый характер стали принимать аресты немцев, подозревавшихся в принадлежности к «подпольным фашистским организациям».

«20 июля 1937 года, – как пишет Г. В. Костырченко, – Политбюро поручило Николаю Ежову „дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах, и высылке части арестованных за границу“. Об особо серьёзном характере этого документа свидетельствовало содержащееся в нём требование к Ежову представлять ежедневные сводки в ЦК о ходе арестов и количестве арестованных»¹⁵.

25 июля 1937 года такой приказ за № 00439 народным комиссаром внутренних дел СССР был принят. С 30 июля начались аресты и увольнения, а с осени 1937 года началась массовая операция, фактически ликвидация советских граждан немецкой национальности, работавших на предприятиях оборонной промышленности. Всего было арестовано около 68 тыс. человек, осуждено 55 тыс., из них к высшей мере наказания – 41 898 человек. Легко подсчитать: двое из трёх советских немцев, ковавших щит социализма, были уничтожены¹⁶.

«В марте 1938 очередь дошла и до центрального аппарата

15 Костырченко Г. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Москва, 2001 г. Стр. 341.

16 Драгунская И. Миль пардон, мусью. Радио «Свобода», 22.06.2009.

Наркомата оборонной промышленности, руководству которого совместно с НКВД было предписано срочно „очистить“ военно-промышленный комплекс от ещё работавших в этой сфере немцев, а также от поляков, латышей и эстонцев. А с 21 июня того же года в соответствии с директивой наркома обороны немцы и представители других считавшихся тогда неблагонадёжными нацменьшинств стали изгоняться из политорганов Красной армии»¹⁷.

И ещё одна цитата. Академик Игорь Шафаревич в книге «Русский народ в битве цивилизаций» вспоминает: «Летом 1938 года я оказался с родителями в одном маленьком городке. Там нам рассказали, что в школах прекратились занятия немецким языком: арестовали всех учительниц немецкого языка. Пришло указание разоблачать немецких шпионов, а никого более похожего не оказалось... В классе, в котором я учился, у двоих моих товарищей были арестованы отцы. Потом я перешёл в другой класс – и там в таком же положении был один из моих товарищей»¹⁸.

Единый стандарт немецкой судьбы

Анализируя документы тех лет, можно сказать, что 30-е годы в рамках проводившихся в СССР массовых репрессий, которые прежде всего коснулись живших в стране немцев и финнов, стандартным обвинением для них были «связь с германским фашизмом», создание и участие в работе «контрреволюционных фашистских организаций», «фашистская агитация» и т. п.

Так, мой дед Рудольф Фитц, проживавший в селе Михайловка Бериславского района Херсонской области, был арестован 27 июля 1937 года. 26 августа того же года он был обвинён в «контрреволюционной деятельности», а также «шпионаже в пользу Германии» и по решению тройки при НКВД по Одесской области заключён в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

На самом деле его и сотни других российских немцев попросту расстреляли. Согласно официальным данным,

17 Костырченко Г. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Москва, 2001 г. Стр. 341.

18 Шафаревич И. Русский народ в битве цивилизаций. Москва: Алгоритм, 2003 г. Стр. 173

в 1937 году только на Украине было арестовано 159 573 немца, а в 1938 – 108 007. Из них к смертной казни приговорили 122 237, к 25 годам тюремного заключения – 21, к 20 годам – 59, к 10 годам – 3758, к 5 годам – 119, к различным срокам исправительно-трудовых лагерей – 11 613...

Реабилитировали деда 29 июня 1989 года. Об этом я узнал 11 июля 1991 года, когда на мой запрос пришёл официальный ответ за подписью начальника 2-го отдела Центра общественных связей КГБ СССР Е. Н. Костюкова. Тогда же в запечатанном целлофановом пакете я получил оставшееся «имущество» деда – Книжку колхозника, потёртое кожаное портмоне и карандаш (!). Где, кем и почему всё это было сохранено – мне не сказали. Впрочем, и сам я, как вспоминаю, до того был ошарашен «подарком», что не спросил.

Мысленно возвращаясь к тому дню, я каждый раз пытаюсь, но никак не могу представить масштабы и размеры складских помещений, в которых хранились изъятые при арестах вещи сотен тысяч «шпионов», «диверсантов» и «врагов народа». Столько лет! Карандаш и Книжка колхозника с тремя в завитушках строчками выцветших чернил! Зачем?! Для кого? Наверное, для меня. Чтобы помнил.

30 октября 1937 года по обвинению «в проведении контрреволюционной агитации, восхвалении фашистской Германии и вредительской работе в области проектирования нового железнодорожного строительства» в Воронеже был арестован мой отец – Вальдемар Фитц, окончивший Харьковский железнодорожный институт, два курса аспирантуры и занимавший по тем временам весьма ответственную должность главного проектировщика железных дорог Юга Украины. Но он был молодым, крепким, упрямым и, несмотря на все усилия костоломов из НКВД, ни в чём не признавался, то есть не оговорил себя.

В камере он сидел с уголовниками и, как человек грамотный, писал им всевозможные письма: властям, девушкам, жёнам, родителям. Однажды один из «уроков» поинтересовался: а сам за себя почему не напишешь? или виноватым себя считаешь? И тогда отец взял и отправил письмо тогдашнему наркому путей сообщения Л. М. Кагановичу. И знаете, сработало. 10 февраля 1939 года линейный суд Московско-Донбасской железной дороги, в котором рассматривалось

дело, направил его на исследование. А 25 марта того же года, как сказано в хранящейся у меня официальной справке, «Управлением НКВД Воронежской области дело в отношении Фитца В. Р. было прекращено за недостаточностью добытых (словечко-то какое! – А. Ф.) улик...»

Но лично я, ничуть не умаляя роли в судьбе отца «железного наркома», как называли Кагановича, считаю, что ему просто повезло. В Москву с официальным визитом собрался министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп – подписывать Пакт о ненападении. И в честь этого «светлого» события советские товарищи решили продемонстрировать «гуманность» пополам с «доброй волей» и выпустили почти всех российских немцев, находящихся под следствием, исключая, правда, тех, кто уже «мотал» срок в тюрьмах и лагерях. Например, моя родную тётю – Евгению Фитц, которая была арестована также по обвинению «в проведении контрреволюционной агитации, восхвалении фашистской Германии и вредительской работе», выпустили на волю только в 50-е годы. В тюрьме она заболела туберкулёзом и вскоре после выхода на свободу умерла. Было ей 36 лет.

Обо всём этом пишу столь подробно вовсе не потому, что произошедшее с моими близкими является чем-то из ряда вон выходящим. Ни в коем случае! Всё, с ними случившееся, буднично и обычно, ибо нет ни единой семьи российских немцев, которую бы в 30-е, 40-е и 50-е годы не ополовинили (*прошу простить за подобное сравнение*) или вообще не уничтожили. В сравнении с 1914 годом немецкое население СССР сократилось на одну треть. Причём только в период с 1937-го по 1938 год почти 50 процентов мужского населения этой этнической группы было подвергнуто репрессиям.

Однако возвратимся к указам.

23 июня 1940 года нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия подписывает приказ «О переселении из гор. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей», где в числе прочих фигурируют и немецкие семьи. Примечательно, что в этом приказе содержится ссылка на соответствующее решение правительства, которое, однако, до сих пор, насколько мне известно, не опубликовано

и не отменено. И, наконец, 26 августа 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное Постановление «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей».

Как ни странно, до недавнего времени о существовании этого документа мало кто знал. Не менее странно и то, что он никогда и никем так и не был отменён. Постановление предписывало переселить всё без исключения немецкое население данной территории в Западную Сибирь и Северный Казахстан. Исключение делалось только женщинам-немкам, у которых мужья были не немцами. А вот женщины, не являющиеся немками, но состоящие с ними в браке, подлежали непрременной депортации. К слову, это положение сохранялось и действовало вплоть до 1956 года. Так, моя бабушка по матери – украинка по национальности – Татьяна Кондратьевна Бычковская из-за того, что не пожелала официально отказаться от мужа (*моего деда*) Готлиба Беккера и развестись с ним, вначале была отправлена в трудармию, а затем, наряду с немцами, лишена всех гражданских прав и поставлена на комендантский учёт.

Этой удивительной женщине я обязан буквально всем. И прежде всего – жизнью. Когда мне было два с половиной года, лагерный врач Винтер (*его имя я, к сожалению, забыл*) объявил родителям, что шансов выжить у меня практически никаких – тяжёлая форма воспаления лёгких. Медикаментов нет, питание – более чем скудное, да и морозы за сорок градусов. И вот тогда бабушка Таня, заручившись разрешением коменданта, забрала меня к себе в соседний лагерь (*позже на его месте возник посёлок Батамша*) и с помощью отваров трав, которые собирала летом, и водолечения по методу доктора Кнайпа, выходила.

Спустя много лет я побывал в тех местах Актюбинской области и, глядя на неправдоподобно плоскую степь, никак не мог понять, каким образом среди скудной степной растительности бабушке удалось отыскать те травы, что вернули меня к жизни. А спустя ещё десяток лет специально съездил в необыкновенно симпатичный городок Бад-Вёрихофен, расположенный в предгорьях Баварских Альп, где священник и врачеватель Себастьян Кнайп изобрёл и стал применять свой чудодейственный метод по исцелению тела, духа

и души. Зашёл в католическую церковь, где он служил, молился и притеплял три свечи: в память о нём, о бабушке и той моей давно ушедшей жизни. Впрочем, мы несколько отвлеклись, забежав на несколько лет вперёд.

27 августа 1941 года Лаврентий Берия подписал Приказ № 001158, с пометкой «Строго секретно», «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». На следующий день Президиум Верховного Совета СССР принял пресловутое Постановление «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В нём, в частности, говорилось, что, согласно «достоверным данным, полученным военными властями», среди немцев Поволжья «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны производить взрывы» в местах своего компактного проживания. Но поскольку немцы Поволжья ни о чём подобном сигнализировать властям почему-то не спешили, отсюда не могло не вытекать, что «немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти». Но вместо того чтобы этих самых диверсантов арестовывать и заключать под стражу, приказ повелевал всего лишь выселить их вместе с укрывателями. Не правда ли, смешно, если бы не было так грустно?

30 августа 1941 года по личному указанию Берии этот приказ был опубликован в республиканских газетах, и уже через день первых немцев Поволжья под плотной охраной частей НКВД и воинских подразделений стали доставлять к местам погрузки в железнодорожные вагоны. Одновременно по постановлению Государственного Комитета Обороны и Совета Народных Комиссаров СССР, а также соответствующих приказов НКВД началась насильственная депортация немцев и из других регионов Европейской части СССР. В Средней Азии же их просто выселяли из городов, не забывая при этом реквизировать имущество.

Когда началась война между Германией и СССР (*Великая Отечественная*), то в Красной Армии было, как свидетельствуют различные официальные источники, 64 600 российских немцев. Причём значительная их часть отправилась

на фронт добровольно¹⁹. Одиннадцать российских немцев были в годы войны удостоены звания Героя Советского Союза.

Замечательный советский писатель, поэт, общественный деятель Константин Симонов в своей книге «Живые и мёртвые» позже напишет о мнении боевого генерала, которому в 1941 году пришло распоряжение отослать из его частей советских немцев как потенциально неблагонадёжных: «Дайте мне десять тысяч таких Гофманов, я из них дивизию сделаю и до Берлина с ними дойду!»²⁰. Не дали. Вместо боевых создали «рабочие батальоны» и направили в тайгу, сорвав погоны, награды и загнав за колючую проволоку, на нары. Спасибо Симонову, который знал о судьбе российских немцев, и первый в советской литературе осмелился сказать несколько слов в их защиту.

4 июля 1941 года появляется штабная директива «О мероприятиях по выселению социально опасных элементов с территорий, объявленных на военном положении». Касалась она немцев Причерноморья и Крыма. В другой военной директиве уточнялось: «Очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей-немцев и других антисоветских элементов».

Немцев-колонистов в Крыму было несколько десятков тысяч. Жили они преимущественно в деревнях Цюрихталь (после войны переименована в Золотое Поле), Гейльбрун (Приветное), Фриденталь (Курортное), Найзац (Красногорское), Розенталь (Ароматное), Кроненталь (Кольчугино) и Герценберг (Пионерское). Посадка людей в эшелоны началась 18 августа. А спустя десять дней, как уже отмечалось, власти приступили к тотальной депортации российских немцев.

Я же в этой связи хочу напомнить, а кое-кому, вероятно, сообщить впервые, что 26 июня бюро обкома ВКП(б) АССР НП приняло постановление «Об организации мероприятий по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника». Во всех населённых пунктах были созданы специальные истребительные отряды, и когда 15-16 июля в целях якобы проверки, а точнее – провокации, в Поволжье на па-

19 Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советского Союза. Москва: Новое литературное обозрение, 1995 г. Стр. 328.

20 Симонов К. Живые и мёртвые. Москва: Художественная литература, 1989 г. Стр. 194.

рашютах сбросили переодетых в фашистскую форму солдат и сотрудников НКВД, то население их мгновенно выловило.

Я был лично знаком с тремя из участников этой провокации и, опираясь на их воспоминания, могу заявить, что данную акцию спланировали заранее, ещё до начала войны с Германией. Естественно, на столь недружелюбный приём никто из её участников не рассчитывал, что, впрочем, ничуть не помешало властям обвинить всех поволжских немцев в предательстве и явных симпатиях к врагу. К сказанному добавлю, что среди обнародованных после окончания войны документов до сегодняшнего дня не найдено ни единого, который бы позволил сделать вывод, что между Третьим рейхом и российскими немцами, проживавшими в Поволжье, других регионах РСФСР, на Украине, республиках Кавказа существовали какие-либо заговорщические связи. Наоборот, СМИ и различного рода «сообщения компетентных органов», указывали на полную лояльность советских немцев, значительная часть которых была охвачена патриотическим порывом и желанием самоотверженно сражаться с агрессором. Об этом, кстати, пишет и уважаемый исследователь этой проблематики, сотрудник Амстердамского Государственного института военной документации д-р Луи де Ионг²¹.

Операцию «Переселение из Поволжья» обеспечивали 1450 сотрудников НКВД, 3000 работников милиции, 9650 красноармейцев.

Освободившиеся немецкие населённые пункты были заселены русскими, украинцами, евреями и представителями других национальностей²². Как указывают историки Б. Пинкус и И. Флейшгауэр, еврейские семьи, направленные сюда в составе «первой волны», сообщали, что в некоторых немецких домах, предоставленных в их распоряжение через несколько часов после того, как оттуда были удалены хозяева, они нашли накрытые столы и полупустые тарелки, а также шкафы и сундуки, которые открыли и не успели закрыть... Во дворах мычали, блеяли и выли оставленные домашние животные²³.

21 Ионг Л. де. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. Москва: Вече, 2004 г.

22 Герман А. История республики немцев Поволжья. В событиях, фактах, документах. Москва, 2000 г. Стр. 142.

23 Корн Р. В России – немцы, в Германии – русские. Исторические очерки о российских немцах. Аугсбург, 2008 г. Стр. 160.

Упорно стали циркулировать слухи о преобразовании Автономной республики немцев Поволжья в Еврейскую республику. Историк и писатель Борис Соколов пишет: «Летом 1943 года руководители Еврейского антифашистского комитета Михоэлс и Фефер, будучи в США, с санкции Молотова вели переговоры с американскими сионистскими организациями... Вернувшись из США, Михоэлс и Фефер вместе с Эпштейном повидались с Молотовым, который их радушно встретил. Фефер показывал на следствии, что на встрече „мы поставили вопрос о создании еврейской республики в Крыму или на территории, где была республика немцев Поволжья. Тогда нам это нравилось и красиво звучало: где раньше была республика немцев, должна стать еврейская республика. Молотов сказал, что это демагогически хорошо звучит, но не стоит ставить этого вопроса и создавать еврейскую республику на этой территории, так как евреи – народ городской, и нельзя сажать евреев за трактор“...»²⁴.

Сталинский вариант ликвидации малых народов

Иными словами, все разговоры о якобы «временном переселении немцев из Поволжья, с единственной целью отодвинуть их от надвигающейся линии фронта» – откровенная ложь. Их переселяли навсегда и не только с целью освоения необжитых районов Сибири, Севера, Дальнего Востока и Казахстана. Даже в условиях смертельной опасности в Советском Союзе продолжался эксперимент по созданию новой общности людей – советского народа. В качестве материала использовали немцев, калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, корейцев, ингерманландцев, турок-месхетинцев, курдов и некоторые другие малые народы. При этом, как пишет доктор исторических наук Виктор Земсков, «сталинский вариант ликвидации малых народов был в основном близок к маоистскому варианту, но в то же время имел ряд черт, свойственных для гитлеровского варианта». Осуществлялся он «за счёт ассимиляции депортированных в более крупных этнических массивах и частично за счёт завуалированного геноцида и ослабления их био-

24 Соколов Б. Молотов. Тень вождя. Москва: АСТ, 2005 г. Стр. 138-139.

логического потенциала, путём многократного повышения смертности над рождаемостью при насильственном переселении и в первые годы жизни на спецпоселении»²⁵.

30 августа 1941 года руководители советского государства В. Молотов, Г. Маленков, А. Косыгин и А. Жданов обратились к И. Сталину с письмом следующего содержания: «Сообщаем, что нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек. Предлагаем выселение произвести в Казахстан – 1500 человек, в Красноярский край – 2400 человек, в Новосибирскую область – 24 000 человек, Алтайский край – 1200 человек и Омскую область – 21 000 человек. Организацию переселения возложить на НКВД. Просим утвердить это предложение». Предложение было одобрено.

6 сентября 1941 года Государственный Комитет Обороны принимает Постановление «О переселении немцев из г. Москвы, Московской области и Ростовской области». 21 сентября такое же постановление принимается о переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краёв, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР. 22 сентября о переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловоградской областей. 8 октября о переселении немцев из Воронежской области, Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР. 22 октября о переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР. Все эти постановления снабжены грифом «Совершенно секретно», хотя какая уж тут секретность?

Очень трудно выразить всю глубину нравственного потрясения, охватившего в тот момент нацию. Ни у кого больше не было надежды – только отчаяние, боль и безысходность. По сути, произошла беспрецедентная в истории человечества социальная метаморфоза: в одночасье весь народ объявили поднадзорным. В этой ситуации нужно было либо смириться, продолжая жить, приняв позор и ужас действительности, либо взбунтоваться и подписать себе тем самым смертный приговор. И народ смирился.

Судьба российского немца зависела в эти годы от случайности – либо лагерный долгий срок за мифическую изме-

25 Земсков В. Спецпоселенцы в СССР 1930 – 1960. Москва: Наука, 2005 г. Стр. 284.

ну родине, либо спецпоселение, обнесённое «колючкой», либо трудовая армия.

Местное население встретило их с молчаливой враждебностью, ибо во всех без исключения газетах был опубликован Указ, изображавший русланддойче как открытых пособников фашистских захватчиков.

Непривычно холодный климат, бытовая неустроенность, скудное питание и произвол комендантов лагерей – всё это вызвало в первую же зиму высокую смертность, прежде всего среди больных, пожилых и детей. Детей забирали у родителей и отправляли в детские дома, где над ними глумились, избивали, отбирали и без того скудные пайки только потому, что они родились немцами.

И не было, казалось, этому кошмару ни конца, ни разумного объяснения.

10 января 1942 года ГКО СССР принял Постановление «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», который фактически подчинил НКВД созданные в 1941 году так называемые «рабочие колонны».

14 февраля того же года ГКО СССР принимает Постановление «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках»

7 октября 1942 года в связи с высокой смертностью спецпереселенцев ГКО принимает Постановление «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», в результате которого трудовая армия поглотила буквально всех немецких мужчин в возрасте от 15 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет.

Как мы знаем, советские руководители, словно черти от ладана, шарахались от всего, что так или иначе было связано с троцкизмом. Но в то же время очень многое ими было перенято и заимствовано именно у пресловутого Льва Давидовича, в том числе и «трудовые армии». Именно Троцкий в марте 1921 года на X съезде РКП(б) заявил: «С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность

караться тюрьмой и смертью». На эти задачи Лев Давидович перенацелил свои реввоен трибуналы, в инструкции им указывалось, что «трудовое дезертирство при данной обстановке является таким же актом контрреволюции, как и вооружённое восстание против рабочих и крестьян»²⁶.

Прокатившаяся новая волна принудительных миграций нанесла новый жестокий удар по этносу российских немцев. Вопрос выживания, как пишет уже цитируемый здесь историк Виктор Бердинских, встал перед ним с небывалой доселе, предельной и неотвратимой остротой. В учётно-отчётной статистике и в приказах НКВД и ГУЛАГа с января 1942 года появилась отдельная категория: «мобилизованные немцы», или «трудармейцы». Последние размещались на «местах работы» в специальных зонах, как правило, за колючей проволокой, а то и просто – в «стационарных лагерях» с вооружённой охраной, жили в бараках, выводились на «производственные объекты» строем и в сопровождении конвоя – как «спецконтингент», подопечный НКВД... Другими словами, формально не относясь юридически к числу заключённых, фактически – по образу жизни, по снабжению (вещами и продовольствием), по режиму содержания – «трудармейцы» мало в чём отличались от остальных узников ГУЛАГа. Добавим, что они не считались также и военными: военные билеты у них изымались и на всех заводились лагерные личные дела²⁷.

Но была ещё одна категория трудармейцев, о которой советская пропаганда и официальная историография хранили в прямом смысле гробовое молчание. Это немцы, являвшиеся гражданами восточноевропейских стран.

16 декабря 1944 года ГКО СССР под грифом «Совершенно секретно» принял Постановление «О мобилизации и интернировании немцев, находящихся на освобождённых Красной Армией территориях». В нём, в частности, говорилось: «Мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте от 17 до 45 лет, женщин – от 18 до 30 лет, находящихся на освобождённых территориях Румынии, Югославии, Венгрии,

26 Шамбаров В. Антисоветчина, или Оборотни в Кремле. Москва: Алгоритм, 2008 г. Стр. 106.

27 Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советского Союза. Москва: Новое литературное обозрение, 1995 г. Стр. 356.

Болгарии и Чехословакии. Установить, что мобилизации подлежат немцы как немецкого и венгерского подданства, так и немцы – подданные Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии. Руководство мобилизацией возложить на НКВД СССР (т. Берия)».

Всего по данному постановлению только в 1945 году было интернировано и вывезено в СССР более 130 тысяч человек, из которых сформировали 183 «рабочих батальона», размещённых в 33 регионах страны²⁸.

Отлов и принудительная депортация немцев из Восточной Европы в СССР продолжались вплоть до начала 50-х годов. Тех же, кого не отправили, оставив в Польше и Чехословакии, разместили в концлагеря. В чём заключалась их вина? В национальности. И всё.

Живя в Германии, я познакомился с выжившими румынскими, силезскими, венгерскими немцами, «мотавшими срок» на советских ударных стройках, на польских угольных шахтах, в рудниках Чехословакии. Им было что вспомнить и рассказать, но удивительная вещь – никто (!), с кем откровенно беседовал, не таил злобы ни к России, ни к её народу. О прошлом они вспоминали пусть с грустной, но улыбкой и по-доброму. Кстати, на эту черту немецкого характера обратила внимание даже такая негибкая русская патриотка, как доктор исторических наук, заместитель председателя Комитета ГД РФ по международным делам, президент Фонда исторической перспективы Наталья Нарочницкая, отметившая: «...не только Венгрия – союзник Гитлера, но и Польша, Чехословакия, спасённые русскими от истребления фашизмом или от уготовленной им участи слуг для хозяев предполагаемого рейха, оказались куда менее надёжными членами советского блока, чем даже побеждённые и раздавленные немцы»²⁹.

Впрочем, возвратимся к российским немцам и их «рациональному использованию» на промышленных предприятиях Урала, шахтах Воркуты и Кузбасса, стройках Сибири, леспромхозах Севера и Дальнего Востока, урановых рудниках Киргизии и Таджикистана, угольных шахтах Казахстана... Чтобы не простаивали, советскими органами был принят

28 Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. Москва: ОГИ-Мемориал, 2001 г. Стр. 210, 218.

29 Нарочницкая Н. За что и с кем мы воевали. Москва: Минувшее, 2007 г. Стр. 28.

ряд указов и постановлений, в частности «О дополнительной мобилизации немцев в угольную промышленность» (18 июля 1945 года), «О закреплении мобилизованных немцев за предприятиями Наркомнефти» (7 декабря 1945 года), «О закреплении за предприятиями министерства чёрной металлургии спецконтингентов, подлежащих переселению в северные районы страны» (29 марта 1946 года).

Напомню, что термин «спецпереселенцы» появился в СССР в конце 20-х годов и применялся к «кулакам», затем к депортированным в 30-х годах нацменьшинствам и к жителям Прибалтики, изгнанным из родных мест после присоединения к СССР в 1940 году.

С 1936 года «переселенческое дело» было передано из ведения Наркомзема в Переселенческий отдел НКВД и приняло открытый репрессивно-принудительный характер.

Не принесло облегчения и окончание войны. Возвращать российским немцам свободу, человеческое достоинство и даже право на жизнь власти не собирались. Воинственный клич лауреата Ленинских, Сталинских и прочих премий Ильи Эренбурга: «Убей немца!» продолжал эхом перекатываться из конца в конец огромной страны. И ни в чём не повинных людей убивали тысячами. Дело дошло даже до того, что самому Сталину пришлось поправить «гуманиста», напомнив, что «гитлеры уходят, а Германия и немецкий народ остаются». Но то Германия и немецкий народ, другое дело – свои немцы. С ними можно было «не чикаться». И «не чикались». К слову, по указанию Ильи Эренбурга, избранного в 1950 году депутатом Верховного Совета СССР от города Энгельса, немецкие книги, в том числе и уникальные, хранящиеся в библиотеках этого города, были сожжены. И только незначительную их часть удалось спасти, перевезя в Саратовский университет и в Москву.

Так что кострища из книг пылали не только в фашистской Германии, о чём в своих, ставших в период хрущёвской оттепели культовыми, воспоминаниях «Люди, годы, жизнь»³⁰ писал Илья Григорьевич. Он и сам был причастен к этому неблагоприятному занятию.

8 января 1945 года СНК СССР принял постановление «О правовом положении спецпереселенцев», которым без раз-

решения коменданта категорически запрещалось отлучаться из мест поселения. Самовольная отлучка приравнялась к побегу из мест лишения свободы и строго наказывалась, вплоть до расстрела.

26 ноября 1948 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны». За самовольную отлучку из мест поселения люди приговаривались к 20 годам каторжных работ. Уточню, что каторга была специально введена в 1943 году с целью наказания «фашистских убийц и их пособников».

Так проходил год за годом – в душливой атмосфере слезки, запретов, унижений и доносов. Подрастало уже новое поколение немцев с атрофированным национальным сознанием и гипертрофированным комплексом национальной вины – поколение, лишённое родного языка и культуры своих родителей.

После окончания войны, по мере постепенного расформирования трудармии вместо долгожданной свободы статус спецпереселенцев получили буквально все немцы, в том числе никогда не подвергавшиеся выселению взрослые и даже младенцы. Я, например, прекрасно помню колючую проволоку, опоясывавшую наш лагерь в Актюбинской области Казахстана, и как позже в узбекском городе Алмалыке (тогда – посёлке) мы с отцом ходили на ежемесячную отметку в комендатуру. Было мне тогда шесть лет.

Режим спецучёта и спецпоселений был призван обеспечивать дешёвой и послушной рабочей силой промышленность и сельское хозяйство СССР. Кроме того, содержание депортированных народов и социальных групп (*неблагонадёжных для советской власти*) на спецпоселении облегчало контроль за ними. Однако дешевизна рабочей силы, состоявшей из спецпоселенцев, имела и обратную сторону медали – в условиях отсутствия материальных стимулов многие просто отбывали время на работе. Также нужно принять во внимание, что содержание на спецпоселении миллионов людей создавало многочисленные проблемы хозяйственного, политического и бытового характера.

Существование режима спецпоселения ложилось тяжё-

лым бременем на послевоенную экономику страны, усугубляло её финансовое положение. В охране и обслуживании спецпоселенцев были задействованы десятки тысяч здоровых мужчин, которых также нужно было содержать.

В политическом плане страдал авторитет СССР в глазах мирового сообщества, которому было непонятно, почему в условиях мирного времени миллионы людей определённых национальностей и социальных групп лишены элементарных прав и находятся в неволе. Попутно уточню, что немцы на тот период составляли ровно половину всех спецпоселенцев.

С началом 50-х годов XX века многим ответственным лицам в регионах и в Москве становилась всё более очевидной абсурдность сохранения режима спецпоселения. В конце 1951 года секретарь ЦК ВЛКСМ Г. Михайлов обратился в ЦК ВКП(б) с письмом, в котором сообщал о недостатках и ошибках в работе со спецпереселенческой молодёжью. Из письма следовало, что режим спецпоселения являлся для молодых людей серьёзным препятствием в получении образования, профессионального становления, службы в армии, при вступлении в комсомол и т. д.

Руководящие работники МВД направляли в Москву рапорты, в которых обосновывали целесообразность отмены режима спецкомендатур в отношении депортированных народов. Сами депортированные всё чаще стали обращаться во властные структуры с просьбами освободить их от режима спецпоселения.

Примечательный документ удалось отыскать в Госархиве Российской Федерации живущему в Гёттингене историку доктору Виктору Брулю. Согласно этому документу, в начале ноября 1951 года начальник 9-го Управления МГБ СССР В. Шиян подготовил для Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР справку «О необходимости оставления навечно на поселении и освобождения из мест поселений некоторой части спецпоселенцев-немцев». Этот документ интересен тем, что в нём по-разному оценивались различные категории немцев, отношение к ним и предлагаемые меры.

К первой категории В. Шиян отнёс 281 961 немца, высланных по постановлениям ГКО, а также 12 970 немцев,

выселенных по решению СНК СССР. Ко второй категории – 27 445 немцев, эвакуированных во время Отечественной войны по постановлениям военных советов фронтов и Указа ПВС СССР от 22.6. 1941 г. «О военном положении» из Ленинграда, Ленинградской области, Калининской, Горьковской и ряда других областей. В третью категорию он включил 195 191 немца – граждан СССР, репатриированных из Германии. Направлены они были на поселение согласно директиве НКВД СССР № 181 от 11.10.1945 года без соответствующего решения правительства и надлежащего на них оформления фильтрационных материалов. «В связи с тем, что часть репатриантов-немцев сотрудничала с оккупантами, а в период отступления немецкой армии добровольно выехала в Германию, где оказалась в американской и английской зонах оккупации», предлагалось, «в интересах государственной безопасности» всех их оставить в местах поселения навечно.

К четвёртой категории были отнесены 2838 человек, граждан СССР, принявших в период немецкой оккупации германское подданство, так называемые «фольксдойче». А также 2092 члена семей немецких «пособников», высланных из Ставропольского края на основании распоряжения НКВД СССР № 20/5 от 7.1. 1944 года и приказа НКВД СССР № 001036 от 24.8. 1944 года. Этим спецпоселенцам решением Особого Совещания при НКВД СССР были установлены чёткие сроки нахождения на поселении, однако они истекали в ближайшее время. С учётом «социальной опасности этих спецпоселенцев» Шиян считал целесообразным оставить их в местах поселения навечно.

Предлагалось также распространить на немцев, выселенных по постановлениям ГОКО, военных советов фронтов, распоряжений СНК СССР, на репатриантов, на лиц, принявших германское подданство, и членов семей немецких «пособников» действие Указа ПВС СССР от 26.11.1948 года (*вечное нахождение на спецпоселении, за побег – 20 лет каторжных работ*).

В пятую категорию были включены немцы, ещё с довоенных времён жившие на Дальнем Востоке, Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане и поставленные там на спецучёт комендатур.

К шестой категории отнесли 40 443 немца, которые со-

гласно решениям ГОКО на всё время войны были мобилизованы для работы в промышленности и не подвергались выселению. После окончания войны зоны, где они содержались, были ликвидированы, военизированная охрана снята, а их, согласно совместным директивам НКВД, а также Наркомугля СССР, Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности СССР, Наркомстроя СССР и Наркомчермета СССР, перевели на положение спецпоселенцев.

В связи с тем, что указания НКВД-МВД в отношении немцев, постоянно живших в местах, откуда выселение не производилось, и немцев, мобилизованных в промышленность, были даны без соответствующих решений правительства, В. Шиян предлагал с учёта их всех снять и освободить из мест спецпоселения. Правда, при этом в соответствии со ст. 39 «Положения о паспортах» им запрещалось проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, в пограничной полосе, других режимных местностях, а также в Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской ССР, в западных областях Украины и Белоруссии, на территории республик, краёв и областей, откуда было произведено выселение, за исключением местностей, где они проживали в 1951 году.

Необходимость освобождения местных и мобилизованных немцев В. Шиян объяснял ещё и тем, что в республиках, краях и областях проживало 103 764 немца – местных жителей, которые не подвергались выселению и под надзором органов МГБ не состояли.

В ноябре 1951 года Президиум Верховного Совета СССР с грифом «Без публикации» издал Указ «О спецпоселенцах немцах и членах их семей, выселенных по постановлениям ГОКО, Военных Советов фронтов, распоряжениями СНК СССР, репатриированных, принявших германское подданство и членов семей немецких пособников», согласно пункту 1 которого на спецпоселении навечно оставались:

- А. Немцы, граждане СССР и члены их семей, выселенные по постановлениям ГОКО и распоряжениям СНК СССР.
- Б. Немцы, граждане СССР и члены их семей, эвакуированные по постановлениям военных советов фронтов.
- В. Немцы, граждане СССР и члены их семей, репатриированные в СССР.
- Г. Лица, принявшие в период немецкой оккупации гер-

манское подданство, так называемые «фольксдойче», независимо от их национальности, а также члены семей бывших немецких пособников.

На все эти четыре категории спецпоселенцев распространялось действие Указа ПВС СССР от 26.11.1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны».

В постановлении Совета Министров СССР «Об оставлении на поселении и освобождении из мест поселений некоторой части спецпоселенцев», принятом также в ноябре 1951 года, продублировано решение Президиума Верховного Совета СССР относительно четырёх вышеназванных категорий. Снятию с учёта спецпоселений подлежали лишь немцы и члены их семей, в отношении которых не было решений правительства о их выселении (*местные жители Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и т. д.*) и мобилизованные в период Отечественной войны на работу в промышленность.

Министерствам было также разрешено выдавать немцам, освобождаемым от спецпоселения, ссуды на строительство домов, приобретение скота и хозяйинвентаря в размере 5000 рублей со сроком погашения – 7 лет, начиная со второго года получения ссуды. Освобождаемым лицам министерства должны были оказывать и содействие в перевозке членов семей.

В середине ноября и 3 декабря 1951 года Политбюро ЦК партии рассматривало вопрос о немцах-спецпоселенцах, мобилизованных для работы в промышленности. МГБ СССР выступило с предложением «не считать этих немцев спецпоселенцами». Однако предложение не нашло поддержки у членов Политбюро.

Несмотря на предложения отменить или смягчить режим спецпоселения, при жизни Сталина этого сделано не было.

11 марта 1952 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осуждённых, члены семей которых находятся на спецпоселении», который, правда, хотя и не отменили, но вскоре «забыли» в связи, наверное, с кончиной товарища Сталина.

Из российских немцев нас превратили в немецких

На принятие решения об отмене рабства серьёзное влияние оказали тогдашние советско-западногерманские отношения. Одна из гипотез заключается в том, что СССР хотел прорвать западную блокаду, чтобы получить доступ в том числе и к финансовым кредитам. Поэтому частичное освобождение российских немцев было вынужденной уступкой для достижения этой цели.

Важное значение в судьбах российских немцев сыграл визит канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в Москву с 9 по 13 сентября 1955 года и его переговоры с являвшимся тогда первым секретарём ЦК КПСС Никитой Хрущёвым. 17 сентября 1955 года Верховный Совет СССР издал два указа, согласно которым были амнистированы советские граждане, сотрудничавшие в годы войны с оккупантами, и военнослужащие Красной Армии, находившиеся в немецком плену.

Под эту амнистию попали и немцы из числа советских граждан, которых выпустили из тюрем и позволили воссоединиться со своими семьями.

В октябре 1955 года ЦК КПСС принял решение о снятии с немцев и членов их семей ещё целого ряда ограничений. Массовый же характер освобождение немцев началось лишь с конца 1955 года, после принятия Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 13.12.1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

16 декабря 1955 года по МВД СССР был издан приказ № 0601, согласно которому вся работа по снятию немцев со спецучёта и освобождению из-под административного надзора должна быть завершена к 1 марта 1956 года.

В этом очерке я привёл лишь часть документов, касающихся репрессий, которым подвергались российские немцы. Объединить же их можно фразой «вождя народов», которую он начертал на одном из донесений о мнимой неблагонадёжности немцев-колхозников, направленном ему членами Военного совета Южного фронта генералами Тюленевым, Запорожцем и Романовым. 3 августа 1945 года на бланке этой шифрограммы, поступившей в Ставку, рукой И. В. Ста-

лина было написано: «Т(оварищу) Берия. Надо выселить с треском. И. Ст.».

После смерти генералиссимуса, «лучшего друга советских людей и физкультурников», режим комендатуры и спецпоселения был отменён. Однако возвращения имущества, конфискованного при депортации, не последовало. Было также запрещено возвращаться в места прежнего проживания. Так, 15 декабря 1956 года Совет Министров Украины принял постановление, которое запрещало немцам возвращаться в Днепропетровскую, Запорожскую, Николаевскую, Одесскую, Херсонскую области, а также Крым. В 1958 году оно было ужесточено. Аналогичные постановления приняли власти Саратовской и Волгоградской областей.

29 августа 1964 года Верховный Совет СССР частично реабилитировал «советских» немцев, сняв с них «огульные обвинения» в пособничестве агрессору. Хотя если разобраться, как можно «реабилитировать» не совершавших преступления? Правильнее было бы, наверное, извиниться. Но тогда, вероятно, пришлось бы возвращать всё награбленное и незаконно реквизированное, а также заплатить за годы рабского труда в шахтах, на рудниках, лесоповалах, заводах, стройках, рыбных промыслах...

Ущемление немцев касалось развития культуры, языка, поступления в высшие учебные заведения, при приёме в партию и при назначении на руководящие партийные и хозяйственные посты. Призывая на службу в Советскую армию, немецкую молодёжь не брали в элитные подразделения: воздушно-десантные, пограничные и ряд других войск. Ощущение явной исторической несправедливости у немцев усилилось и из-за того, что в 1956-1957 годах была восстановлена автономия балкарского, чеченского, калмыцкого, карачаевского народов. А вот о них и крымских татарах в Кремле снова «забыли».

3 ноября 1972 года Президиум Верховного Совета СССР принял Постановление «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Под «отдельной категорией» подразумевались немцы. Формально им теперь разрешалось возвращаться в места, из которых были изгнаны, фактически же они так и остались изгоями. Грубая и открытая

дискриминация сменилась рафинированной, но в основе политики властей по отношению к немцам лежали те же ассимиляторские цели.

А годом раньше немцев, согласно закрытому Постановлению ЦК КПСС, стали принимать на заочные и вечерние отделения ряда прежде для них закрытых вузов. Но не на очные. Таким образом я и стал первым немцем, которого зачислили на факультет журналистики Ташкентского госуниверситета. Естественно, на заочное отделение. Узнал я об этом, скрываемом от широких слоёв населения, факте следующим образом. В пору, когда я возглавлял узбекскую республиканскую молодёжную газету, я по долгу службы время от времени встречался с заведующим сектором печати ЦК Компартии Узбекистана Рахимом Самановым. И вот однажды сидим мы у него в кабинете, и я говорю:

– Жаль всё-таки, что в 1971 году я поступил на заочное, а не на очное отделение журфака. Лишил себя студенческой юности, хотя без помощи родителей наверняка было бы трудно.

– А тебя бы и не приняли на очное отделение, – усмехается Саманов. – Или забыл?

– Что забыл? – не понял я.

– Решение Секретариата ЦК КПСС. Или ты не в курсе?

– В курсе, конечно, но запамятовал, – ответил я, хотя ни о каком решении Секретариата слухом не слыхивал.

– Сразу видно – не привык с документами работать, – покровительственным тоном произнёс Саманов. – Там же чёрным по белому было сказано, что с 1971 года разрешить приём на философские факультеты вузов, журналистику, юридические факультеты и какие-то ещё – немцев и крымских татар, но только на заочные отделения. Так что тебя отсекли бы, а потом вполне могли и на заочное не принять.

Или другой пример. В 1990 году к выпускным экзаменам во Львовском высшем военно-политическом училище им. Ленина не допустили отличника боевой и политической подготовки, комсомольца Иосифа Циммермана. Знаете почему? В жизни не догадаетесь. Оказывается, Иосиф в свободное от занятий, стрельб и маршировки время стал интересоваться историей российских немцев, благо библиотека в училище была хорошая, а на дворе, напомним, всюю бушева-

ли перестройка и демократия. Ну а потом при свидетелях он высказал идею, что хорошо бы восстановить автономную республику немцев Поволжья. Всё! Точка! Этого было достаточно, чтобы курсанта, учившегося только на «хорошо» и «отлично», активиста и, кстати, круглого сироту выперли из училища, предварительно осудив на общем собрании.

В поисках справедливости и правды Иосиф отправился в Москву, в газету «Нойес лебен», в которой я тогда работал. Помню, как я звонил во Львов, направляя в училище запросы, как мы с ним ходили в газету «Правда» и звонили в главную армейскую газету «Красная звезда». Не помогло. Восстанавливать в училище и допускать Циммермана к экзаменам командование не желало. Но жить-то нужно, и я помог ему устроиться в штаб-квартиру общественно-политической организации российских немцев «Видергебурт», где Иосиф с утроенной энергией взялся за восстановление республики. Ну а спустя полтора года он на всё плюнул и уехал в Германию. Прав ли он? А вы как думаете?

И таких примеров «подлинно братского отношения» к российским немцам в СССР и постсоветских республиках я могу привести массу. А ведь есть ещё другие люди и другие похожие истории.

Да, удивительная была у нас там жизнь. Ведь как народ российские немцы сформировались в Российской империи, а не в Германском рейхе, которого, когда наши предки покидали Гессен, Пруссию, Шлезвиг-Гольштейн, Швейцарию, Австрию, Баварию, Баден, Силезию, другие княжества, графства и государства, ещё не существовало. Уезжали они по приглашению российских царей, верно служили им. Ну а то что царская, советская, а затем новая демократическая власть сделали всё и даже больше, чтобы превратить российских немцев в немецких, не наша вина, а скорее ещё одна российская беда.

Вот и автономную республику ни коммунисты, ни демократы так и не восстановили. Правда, в семидесятых годах XX века была попытка создать автономную область немцев в Казахстане со столицей в районном центре Целиноградской области Ерментау. Но она с треском провалилась. Причём пострадали снова немцы.

По этому поводу Филипп Бобков, возглавлявший некогда

Пятое главное управление КГБ СССР, написал: «Дело доходило до абсурда. Например, в Казахстане проживало около миллиона немцев, изгнанных с обжитой ими земли в Поволжье, но этот факт старательно пытались скрыть от советской и мировой общественности. В энциклопедии Казахстана немцы даже не упоминались как национальность в составе населения республики. Там же писалось, что в Акмолинске (автор ошибся, тогда этот город назывался Целиноград. – **А. Ф.**) издаётся на немецком языке газета „Фройндшафт“ („Дружба“) и работает немецкий театр. Странно!»³¹.

Впрочем, ничего особо странного в этом нет, если вспомнить, что, как подметил публицист Роберт Корн, «ещё Сталин распорядился искоренить даже немецкие названия населённых пунктов, улиц и т. д., исключая, разумеется, имена Маркса, Энгельса, Тельмана, а также Клары Цеткин, Карла Либкнехта и Розы Люксембург. В итоге российские немцы почти на пятьдесят лет были изъяты из всех энциклопедий и справочников Советского Союза. Не было их практически и в справочной литературе ГДР и ФРГ»³².

«Немцы стали терять терпение, – продолжает Бобков, – невозможно было жить с мыслью о вине за войну, развязанную фашистами. Они требовали не прощения, а ликвидации последствий войны и восстановления гражданских прав. Было очевидно: если проблема не будет решена, положение осложнится и приведёт к нежелательным результатам. Между тем никто не хотел браться за кардинальное решение. В конечном счёте дело возложили на только что образованное 5-е Управление, в функции которого подобная тематика совершенно не входила. Вопрос был нами изучен. Мы вошли в ЦК КПСС с предложением воссоздать автономию, а тем, кто желает воссоединиться с родными, разрешить выезд, если, конечно, эти люди не связаны с государственными тайнами. Если бы ЦК принял нашу рекомендацию, проблема была бы решена, а не тянулась десятилетиями вплоть до сегодняшнего дня, обостряясь с каждым годом.

Вопрос об автономии повис в воздухе, а выезд (но только по приглашению родственников первой степени, то есть отца, матери, родных сестёр и братьев. – **А. Ф.**) разрешили. Что здесь началось! „Как так? Люди уезжают из страны

31 Бобков Ф. КГБ и власть. М.: ЭКСМО, Алгоритм-книга, 1995 г. Стр. 328.

32 Корн Р. В России – немцы, в Германии – русские. Аутсбург, 2008 г. Стр. 183.

социализма! Уезжают из районов, где есть закрытые предприятия!" (А где их у нас нет?) Немало упреков выслушали мы от своих же коллег. Но выезд немцев всё-таки не прекратился, и это давало возможность как-то разрядить обстановку. А вот с автономией заклинило. Вначале всё шло гладко и решалось почти разумно. Было намечено создать Немецкую автономную область на территории Казахстана, густо населённой немцами, которые осели здесь, главным образом, когда поднимали целину (*автор ошибается – немцев сюда выслали ещё до целинной эпопеи. – А. Ф.*). Почему именно там предполагали организовать новую автономию? Потому что в противном случае возникала угроза оголеть целинный край, который давал хорошие урожаи.

Решение Политбюро ЦК КПСС было принято в 1979 году. И тут возникли новые препятствия. В Казахстане инспирировали протест студентов Целиноградского педагогического института, их поддержал ЦК компартии и правительство Казахстана, хотя сами принимали участие в подготовке создания автономии и определили её административные границы. Дело осложнялось, и выход никто не хотел искать. А он был: восстановить автономию в Поволжье. Руководители Саратовской области охотно шли навстречу, ибо пустовало немало земель. Несколько тысяч немцев уже возвратились в те места. Но ЦК КПСС на такой вариант не пошёл. Решить дело подобным образом – значит поссориться с первым секретарём компартии Казахстана Д. А. Кунаевым: ведь если немцы уедут с целины, эта область лишится рабочих рук. Так и заминировали вопрос. Рана кровоточит до сих пор».

«На этой почве, – вспоминает Бобков, – у меня произошла стычка с Кунаевым. Он бросил мне фразу: „Сами немцы не хотят автономии, а вы им её навязываете!“ Тогда я обратил его внимание на то, что даже в Целинограде студенты выступали не против немецкой автономии вообще, а против её создания именно в Казахстане»³³.

Всё так, но студенты, разгорячённые «вовремя» подвезённой на грузовиках водкой, не просто «выступали», а устроили кровавые погромы и избиения немцев, живущих в Целинограде и его окрестностях. Об этом Филипп Бобков не пишет, но мы-то это знаем. И мы об этом помним.

Когда молчание красноречивее слов

Живя в СССР, я опубликовал несколько десятков статей, в которых обосновывал выгодность, прежде всего для России, восстановления Немреспублики именно на Волге, а также хотя бы одного автономного района на Украине. Я говорил, что значительная часть этнических немцев, живущих в Казахстане и среднеазиатских республиках, по различным причинам не хочет переезжать в ФРГ. А ведь это тысячи умелых земледельцев, механизаторов, рабочих, инженеров, способных в кратчайший срок создать процветающий регион в центре России, а также на Украине. Что на их подготовку затрачены миллионы рублей и поэтому «выдавливать» их из страны более чем глупо. Но ответом мне был лозунг: «Немцам – да, автономии – нет!».

Особо, что примечательно, буйствовали русские патриоты, посвятившие идее возвращения немцев в свои колонии, а заодно и моей скромной персоне цикл «зубодробительных» статей в различных изданиях. В том числе в журнале «Наш современник», газетах «Калининградская правда», «Советская Сибирь», «Уральский рабочий», «Волгоградская правда», «Саратовские вести». Что же касается демократов, то те действовали более «интеллигентно» – пообещав вернуть и республику, и язык, и автономные районы, придя к власти, они моментально обо всём «забыли», заявив устами своего перманентно нетрезвого вождя, что, мол, не нервничайте, граждане – «Отстояли от немцев Волгу в 41-м, отстоим и сейчас!».

И ведь действительно, отстояли. Но вот стали ли они и их подданные других национальностей от этого богаче и счастливее? Сомневаюсь, ох, как сомневаюсь.

У русского поэта и писателя Станислава Куняева, в журнале которого «Наш современник» публицист Ксения Мяло на стыке 80-х и 90-х прошлого века опубликовала весьма спорную и достаточно германофобскую статью, в которой громила в том числе и меня, есть строки:

*Синий холод осеннего неба
Сколько раз растворялся в крови,
Не оставил в ней места для гнева,
Лишь для горести и для любви.*

Эти четыре строчки весьма прочно засели в моей памяти. И порой мне кажется, будто посвящены они не русским, а нам, немцам, потомкам тех, чьих предков настойчиво и радушно пригласили в страну российские самодержцы. Ну а что приключилось вслед за этим – я уже рассказал.

...Российская Федерация – преемник Советского Союза. Но такой, знаете ли, специфично-выборочный преемник. Например, в победе над фашизмом, покорении космоса, освоении целины, достижении всеобщей грамотности населения – преемник. А вот что касается чёрных и кровавых страниц истории СССР (*у какого государства или народа их нет?*), к которым можно отнести и геноцид в отношении российских немцев, – то ни в коем случае. По крайней мере, первые лица РФ, а заодно лидеры всех без исключения политических партий делают вид, что ни малейшего отношения к этому не имеют. Сказать, что никакого геноцида российских немцев в СССР не было и вообще всё это ложь и наговоры, они не решаются. Согласиться и принести извинения части своего, а не чужого народа, который, напомним, их выбирал, и на налоги которого они живут, причём живут неплохо, президент, премьер, парламентарии и прочие, и прочие, никак не решатся. Почему? Может быть, стесняются? Очень заняты? Не владеют вопросом? Да всем они владеют, в том числе и вопросом. И не столь я наивен, чтобы думать, будто один из них, прочтя эти строки, ответит. Не царское это дело отвечать на неудобные вопросы. Но поручить своим откормленно-прикормленным журналюгам опровергнуть факты и выводы, приведённые в этом очерке, надеюсь, могут? Тем более что не я один об этом писал и пишу.

А сколько писем и обращений от народа и его представителей лично президентам отправлено? Сто? Тысяча? Нет, много больше! Так в чём же дело, уважаемые Владимир Владимирович и Дмитрий Анатольевич? Или эти письма до вас не доходят? В том-то и дело, что доходят. И ваше молчание равнозначно ответу: у российских немцев будущего в России не было, нет и не будет. России они не нужны. Ну а Германии?

Этот очерк я заканчивал в дни празднования 65-летия Победы. В прессе гремели бравурные речи и негромкие споры, какой считать эту войну: «продолжением – по Ста-

лину – Первой мировой войны, войны империалистов друг с другом», «Великой Отечественной» или «гражданской»? Ведь никогда в истории России – кроме времён татарского ига и Смутного времени – русский народ не был так расколот, как в эту последнюю мировую войну. Каждый десятый военнослужащий вермахта – более одного миллиона человек – был гражданином советской России. Миллионы работали на заводах, шахтах и полях Германии³⁴.

Впрочем, я не намерен вступать в эту дискуссию, но вот одну мысль, которая должна была прозвучать на Международной научной конференции «Вторая мировая война. Против сталинских фальсификаций её истории», приведу. Но прежде о конференции, проведение которой планировалась в Москве 16-17 апреля 2010 г. Её организаторы – Российский университет дружбы народов и Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина в последний момент конференцию отменили. По причине, как заявил один из основных докладчиков, видный политический деятель и экономист Гавриил Попов, «политической трусости». Так вот, в его, не прозвучавшем докладе, тезисы которого были опубликованы в «Совершенно секретно», были следующие слова: «Когда-то я в Бородино в изумлении увидел памятник французским солдатам. Он поставлен царским правительством. А в США, в Конкорде, я видел общий памятник погибшим в войне США за независимость североамериканским и английским военным с надписью: „С тех пор наши нации живут в мире“. И в Москве стоят друг против друга по обе стороны Москвы-реки построенный в честь 1812 года православный храм Христа Спасителя и татарская Историческая мечеть – в память о совместной победе народов России над Наполеоном»³⁵.

Народы России и Германии тоже живут в мире, но он не полный, так как мы, российские немцы, по-прежнему остаёмся безвинно обвинёнными и оболганными.

1999 – 2011 гг.

34 Попов Г. Победа. Сталин. Номенклатура. Россия. «Совершенно секретно», № 5, 2010 г.

35 Там же.

Александр Фитц (Alexander Fitz), живущий с 1991 года в Мюнхене, публицист, прозаик, сценарист, опубликовал сотни статей, очерков, репортажей в периодике Германии, России и США. Из под легкого его пера вышло около дюжины книг и пять сценариев документальных фильмов, большинство которых были отмечены престижными литературными премиями и становились бестселлерами. Достаточно вспомнить «Путешествие на Землю», «Возвращение блудного немца»,

«Письмо канцлеру», а также фильм «Глумление» наделавший в своё время много шума. Столь же интересен и новый сборник публицистики и новелл А. Фитца, написанный, как всегда, элегантно, с неизменно присущим ему сарказмом и оптимизмом. Наблюдательность и словесная выразительность характеристик героев сборника соседствуют с глубокой и оригинальной интерпретацией знаменательных событий современной истории Германии и России, свидетелем, а иногда прямым участником которых довелось быть автору.